

Копирование, тиражирование
и распространение материалов, содержащихся в книге,
допускается только с письменного разрешения
правообладателей.

Лиса Эстерн

Звезды
еще Горят

N SUGAR
BOOKS

Москва
2024

Плейлист

Frank Sinatra — *Let It Snow! Let It Snow! Let It Snow!*

Stevie Wonder — *I Just Called to Say I Love You*

AnnenMayKantereit — *Marie*

John Williams — *Christmas at Hogwarts*

Te100стерон — *Это не женщина*

Wham! — *Last Christmas*

Perry Como & The Fontane Sisters — *It's Beginning to Look a Lot Like Christmas*

Анна Бутурлина — *Отпусти и забудь*

Jonathan Dokuchitz & Kelsey Grammer — *Once Upon a December*

Queen — *Thanks God It's Christmas*

Дискотека Авария — *Новогодняя*

Vanilla Sky — *Звонит январская вьюга*

Chris Rea — *Driving Home for Christmas*

Пролог

Тем незапоминающимся вечером — он был одним из череды многих и одинаковых — она плутала по улочкам заученного города. В нём каждая деталь, каждый угол, поворот и человек казались ей знакомыми, одинаковыми, невероятно скучными и серыми — не стоящими внимания. Мысли об этом отягощали и без того тяжёлую грудь, спешно вздымающуюся из-за быстрого сердцебиения. Она бежала так, как не бегала уже давно.

Смена на работе закончилась позже обычного, и у Стеллы были все шансы не успеть вернуться в общежитие до того, как непрístupные железные двери прихожей закроются до самого утра. Комендант — бабушка в уважаемом возрасте — крайне не любила тех студентов, которые «не понимали по часам», и была непреклонна в своём воспитательном решении не впускать тех, кто не спешил вернуться домой. А Стелла спешила, да ещё как: даже лёгкие почти собрали чемоданчики и подобрались к горлу, планируя её покинуть.

Тяжёлая сумка оттягивала шею, тянула в сторону при резких поворотах и сильно раздражала своим присутствием, как и всё вокруг: слишком липкий шарф, испарина на носу и губах, из-за которых морозец больно щипался, колючий свитер под курткой, скользкая подошва ещё

Лиса Эстерн

осенних ботинок. С каждым оставленным позади метром Стелла сжималась в крохотный сгусток негодования, в любой момент готовый взорваться. Словно чувствуя недоброе, прохожие сторонились мчащуюся по наледи девушку с бешеным взглядом. Хотя дело могло быть и в сползшей на светлые брови шапке, краснючих щеках и летящей во все стороны брани, но в любом случае тротуар магическим образом опустел, и студентка беспрепятственно пересекла последний рубеж аллеи перед старым, скрипучим и покосившимся зданием общежития.

— Светлана из семьдесят пятой, на часах, если мне не изменяет зрение, уже двенадцатый час, — у самых дверей, как цербер у врат ада, поджидала её старушка со свёрнутой газетой, которой, вероятно, она с радостью треснула бы непутёвую студентку. Скукоженное возрастное лицо нахмурилось, большие в толстых оправках глаза воззрились сверху вниз, будто пытаясь изжить *Стеллу*, а не Светлану... Но не в её положении вредничать. — Я на полных правах могу закрыть эту самую дверь перед твоим курносым носом, милочка. В правилах чёрным по белому значится: «Общежитие закрывается ровно в одиннадцать часов», а потому...

— У меня есть уважительная причина, — голос Стеллы звучал сипло, прерывисто из-за частых и неровных вдохов. Лёгкие буйно топтались в груди, протестуя против непрошенной физической нагрузки. Вероятно, её светлые волосы на голове сейчас напоминали больше птичье гнездо, нежели что-то приличное. — Я как две минуты была бы уже здесь, но меня задержал сторож. Ну, тот, который постоянно птиц по весне гоняет от клумб.

Лицо свирепой блюстительницы правил немного разгладилось, а в сереньких глазах промелькнуло любо-

пытство и что-то ещё, во что юной девице погружаться очень не хотелось. Стелла наконец выпрямилась, расправив плечи и стряхнув остатки жаркого бега, и с привычной ей сухостью продолжила:

— Просил передать вам, что в начале декабря у него намечается отпуск какой-то и поездка к родственникам, — ложь так просто срывалась с её нечестного и уже давно опороченного фальшью языка, что Стелла не моргнула и глазом, а только больше распалилась, завидев проявляющееся воодушевление в старческом лице. В обычных обстоятельствах ей не хотелось бы так нагло обижать эту прекрасную и трудолюбивую женщину, но сейчас у Стеллы не было желания ночевать под забором, как побитой собаке. — Он заглянет к вам накануне с каким-то предложением. В детали не вдавался.

Она поклонилась, изображая гонца с важным донесением, чем вызвала у старушки добродушный хохот.

— Но только в этот раз, негодница! — Взмахи газеты должны были предостеречь её больше не опаздывать, но Стелла не могла этого гарантировать. Её рабочий график нельзя было назвать нормированным. — Иди, пока никто не видел. Будем считать, что ты просто долго отряхивала обувь от снега.

— И правда, навалило неожиданно.

Стелла не улыбнулась лёгкой шутке. Она никогда не улыбалась и не видела в этом никакой проблемы, хотя окружающие почему-то были крайне этим обеспокоены. Постоянно причитали, комментировали и пытались вывести врунишку на чистую воду: как так, кто-то не умеет улыбаться — такое не может быть правдой! Отнюдь, размышляла Стелла, может быть, и она тому доказательство. Вот и старушка-комендантша сникла, вздохнула, махнула

Лиса Эстерн

пару раз на лестницу и вернулась в свою каморку, из которой слышались глухие песни из телевизора.

Недолго думая, студентка рванула к лифту — старику немногим старше их страны, вероятно. Он работал по своему желанию, ездил только на те этажи, на которые ему хотелось, и в любой момент мог остановиться, чтобы передохнуть. И, возможно, никогда не заработать. Стелла не любила лифты, потому что в них всегда было узко и никогда нельзя было рассчитывать на побег в случае какой-либо аварии. Но в связи с тем, что ей выделили комнату на верхнем этаже, а подниматься по лестницам, как завещала панда из мультиков, она не любила, ей приходилось уповать на мастерство создателя этого старикана.

Несколько долгих минут спустя двери со скрипом открылись. Комендантша недовольно забухтела где-то у себя, но Стелла уже нырнула внутрь и нажала кнопку верхнего этажа. Долго под звуки электричества в плохо работающей лампочке она поднималась вверх, разглядывала рекламу на стенах и совсем ни о чём не думала. В голове было так же пусто, как в её кошельке до следующей зарплаты.

Соседки в комнате не оказалось, и эта новость стала первой хорошей за весь день. Стелла не любила делить с кем-то личное пространство, но при заселении в общежитие это никого не волновало, и потому пришлось как-то приживаться. А она прижилась и даже неплохо ладила с девочкой, которая любила больше болтать, чем учиться, но всё-таки радовалась уединению, когда соседка оставалась где-то переночевать. Где — это Стеллу не волновало.

Сумка с тетрадами рухнула на рабочий стол, вынудив его жалобно скрипнуть. Уличная одежда была убрана,

и на её смену пришла удобная, свободная и лёгкая домашняя футболка да штаны с тапочками. Зашумел чайник — роскошь для живущих в общежитиях, но Стелле повезло ещё и в том, что соседка любила комфорт.

На экране телефона высветилось несколько непрочитанных сообщений, два пропущенных звонка и множество рекламы из разных приложений, которую Стелле было лень удалять или блокировать их рассылку. Множество белых строчек создавали иллюзию, будто она была кому-то интересна и кто-то ждал её возвращения в сеть. Конечно, это не совсем иллюзия, потому что был как минимум один человек, который постоянно ей писал. Университетская подруга — так называют людей, которые вроде близки, однако недостаточно, чтобы звать их просто друзьями. Словно существует какое-то «но», какая-то назойливая неуверенность в этой связи, которая разорвётся после получения диплома, а потому к простой «подруге» всегда привязывалось «университетская».

Стелла не хотела об этом долго размышлять, пролистала бессмысленные сообщения, полные шуток, и выключила телефон.

Чайник вскипел. Нос наполнил терпкий запах крепкого чёрного чая без сахара. Язык укусила горечь. Стелла любила её, хотя считала, что пить крепкий чай на ночь — не самая здравая мысль. Но это не значит, что она откажет себе в таком удовольствии.

Было кое-что еще в её — их — комнате, за что она готова была стерпеть и шумную соседку, и строгую комендантшу, и даже дряхлый, крайне ненадёжный лифт — широкий подоконник с единственным на этаже огромным окном, снаружи больше походившим на открытый глаз циклопа. Забравшись на него, укрывшись

Лиса Эстерн

тёплым пледом и крепко сжимая кружку с дымящимся чаем, Стелла могла созерцать струящуюся золотую ленту трассы, по которой гоняли машины и сверкали своими красными и жёлтыми фарами. Дома, как грибы натканные вокрут, оделись в тёмные костюмы, и только пятна света блестели в редких окнах. Их ещё было много, потому что в одиннадцать ложиться спать чудилось чем-то кошунственным, ведь взрослые люди, тратящие жизнь на работу, считали каждый час свободного времени и легко могли пренебречь сном. Стелла их понимала, и потому почти каждый вечер, когда оставалась одна, тратила лишние часы не на сон, а на простое наблюдение.

Красивая игра света, теней и волшебства рукотворного города завораживала. Её можно было даже принять за подражание красоте небосвода. Но только за подражание.

Взгляд Стеллы скользнул к календарю, висевшему над кроватью. Последние дни ноября исчерпывали себя. Осень устала и готовилась передать сцену сестре. Зима уже была здесь, но заглядывала к ним лишь мельком: выпал первый снег, на термометре появился первый минус, а люди начали утепляться и предвкушать. Стелла наморщилась, опуская взгляд чуть ниже, к следующему за ноябрём месяцу. Декабрь придёт вместе с зимой.

Стелла не знала людей, которым не нравился декабрь за его волшебство зимы, детские проказы и магию Нового года. Зато она была таким человеком: не любила шумиху, не искала в магазинах мишуру, не загадывала желания найти любовь. Ей некогда было мечтать, потому что учёба, работа, учёба...

— В декабре мир сходит с ума, а люди теряют способность здраво мыслить, — проворчала она, отпивая

Звёзды ещё Горят

свой горький напиток. Тепло приятно распространилось от горла по всему телу. — Безумцы, которые хотят верить в волшебство и любовь.

Для неё декабрь — пора тяжёлой работы, бесконечной учёбы и экзаменов. В ней не было детского озорства, и она не знала, в каком из многочисленных новогодних магазинов могла бы его прикупить. Рекламы на билбордах и в социальных сетях об этом не рассказывают.

Стелла отпустила мысли, и они мерно потекли мимо её утомлённого сознания. На мгновение закрыла глаза для того, чтобы окончательно забыть сегодняшний день, а потом взглянула в чёрный небосвод. Она ждала, когда погаснут городские огни. Ждала так долго, что, казалось, никогда не дождётся, но вот вспыхнула первая искра, а за ней — вторая, третья — и так по всему небу. Звёзды.

Она всегда любила смотреть на небо — это было её излюбленное, хоть и странное хобби. Неважно, утром, днём или ночью, но небо — это место, куда её взгляд неизменно возвращался, словно домой. Бесконечно далёкое полотно никогда не повторялось в своих одежках и украшениях: переливы цветов, узоры облаков, искры звёзд и их сочетания — всё было новым, неизученным каждый раз, когда она поднимала взор. Далеко от неё что-то менялось, нечто становилось прекрасным и оставалось нетронутым — Стелла любила эти чудеса.

Они успокаивали, зажигали и в ней какую-то крохотную звезду.

Но звезде в душе не суждено гореть вечно.

ГЛАВА 1.

Декабрь

Он, конечно же, настал. Кто вообще сомневался, что мироздание не услышит мольбу какой-то старшекурсницы и не отсрочит злополучный для студента месяц? Декабрь пришёл и не постучался, ворвавшись в жизнь людей, будто его звали, будто он уже давно имел права на их засыпанные снегом машины, обледеневшие дороги, замёрзшие носы и подвёрнутые лодыжки. Конечно, имел, а кто ему воспротивится? Он — часть природы, как и люди, правда, если декабрь — это сын тётки, сдающей квартиру, то человек — это таракан, которого пытаются изжить, но он всё равно возвращается... «Эта аналогия ушла куда-то не туда», — подумала Стелла, качаясь на пятках.

Зимнее небо было похоже на бело-серый лист из дешёвой книги, весь текст которой легко смазывался. Бесконечный пустой купол, накрывший город, потерявший свои краски, одевшийся в одинаково светлые костюмы. Плотный слой снега под чёрными ботинками скрипел, ему вторили голые ветки берёз, царапающие стёкла крытой автобусной остановки. Чёрно-коричневые кривые линии разбивали светлый купол, как льдинку. На гори-

зонте, над парком напротив, клубился ещё более светлый, выделяющийся на фоне дым из полосатых вышек завода. Он поднимался, струясь, и развеивался, расплываясь.

Остановился синий автобус с запотевшими окнами, а когда двери открылись, из него вывалилось — буквально — несколько человек, потому что транспорт ранним утром был забит. Двое мальчишек задели Стеллу портфелями, бросившись к дверям, надеясь прошмыгнуть, видимо, между ног пассажиров, иначе она не представляла, как втиснуться в эту плотную живую стену. Водитель повернулся и хмуро уставился на неё, будто она была единственно виноватой в том, что он отставал от графика.

Пудобнее перехватив сумку, натянув варежки, Стелла решила идти пешком: не так уж далеко находилась университет, а там и до работы почти рукой подать. Утренняя прогулка в минус двадцать пять сквозь сугробы и угрюмое настроение — что может быть лучше?

Путь был бесконечным. Честно. Стелла несколько раз смотрела на часы и не видела, как цифры сменяют друг друга, а если всё-таки сменяли, то делали это неохотно, лениво. Сугробы замедлили Стеллу, снег забился в сапоги, носки промокли, и морозец тянулся от лодыжек к коленям — и так по всему телу. В толстом пуховике — Стелла не гналась за опасной для здоровья модой — она больше напоминала гусеницу, ползущую по неподходящему для неё субстрату. Неприятное ощущение промозглого холода, поселившегося где-то в костях из-за промокших ботинок, смешивалось с жаром, окутавшим кожу и пропитавшим одежду. Ветер впрягся в это непростое уравнение плохого настроения, которое, казалось,